

ISSN 0132-2036

ЮНОСТЬ

5 '89

ОБЛАКО В ПРОЗЕ

Юношеские стихи
Юрия ОЛЕШИ

Думаю, нет и не будет объяснения, отчего в Одессе в начале XX века вдруг возникло это поэтическое брожение, которому позднее было дано название «Юго-Запад». Так Эдуард Багрицкий назвал свою первую книгу, так Виктор Шкловский определил это движение, которое, родившись у берегов Черного моря, затем перемещалось — в стихах, в прозе, в образе жизни — в Москву.

«Лирические стихи Юрия Олеши интересны, как запись ощущений молодого человека, который еще не умеет вспоминать и записывать прозу», — объяснял все всегда знавший Виктор Борисович Шкловский.

А были ли эти лирические стихи интересны самому Юрию Олеше?

Возможно, для него тогда это просто был единственно приемлемый способ существования. Футбол, любовь, Ришельевская гимназия, католический храм, смерть сестры — художницы Ванды, увлеченность авиацией, общий самогипноз тех дней, предшествовавших войне 1914 года, и выливались в гармоничную форму — стихи.

«Когда я был маленьким, в мире еще уделялось немало внимания фейерверкам», — позднее вспомнит Ю. К. Олеша. И его стихи тоже были фейерверками, где русские слова игриво перемежались французскими, где метафоры рождала история.

«Я не знал, что я переживаю инкубационный период болезни, и не понимал, что же происходит со мной. Почему меня вдруг начинает так знобить?..

— Облако, — говорит врач. — Тиф — это облако. Тифос — по-гречески облако. Вы в облаке.

Он говорил так со мной потому, что ненавидел меня за то, что я поэт».

Облако рождало поэзию. Море рождало стихи, высекало пушкинские ритмы, пушкинские размеры. Юрий Олеша написал целый цикл стихов, посвященных пушкинским трагедиям, он позволил себе продолжить путешествие Онегина, приведя героя романа в Одессу меж двух революций... Это еще 1917 год, это Одесса, юмористический журнал «Бомба».

«Я написал тогда цикл стихов на темы пушкинских произведений, с десяток вещей, каждая из которых являлась своего рода иллюстрацией к тому или иному произведению... Они у меня не сохранились, эти юношеские стихи; в памяти лежит только несколько обломков... Это было не совсем плохо!»

И все же пушкинские стихи Юрия Олеши уцелели, не исчезли за прошедшие 70 лет. «Пиковая дама», «Каменный гость», «Моцарт и Сальери». К ним примыкают отрывки из поэмы под названием «Пушкин». Все это отыскалось в старых одесских журналах, и вдруг вспомнилось, что Юрий Карлович когда-то провидчески утверждал: «Ничего не должно погибать из написанного».

А вообще-то стихов было у Юрия Олеши много. Можно было выпускать книгу. Но он не спешил. Почему? Много позднее он обмолвился — они были «слишком профессиональны». Для них, детей вдохновения, импровизации, профессионализм был тогда бранным словом. Приехав в Москву (а, увы, в Одессе не осталось ни издательств, ни журналов), Юрий Олеша использовал свое профессиональное умение писать стихи, чтобы в «Гудке», где собрались И. Ильф, Е. Петров, М. Булгаков, вести стихотворный фельетон под изящным псевдонимом «Зубило». Вот эти книжицы «Зубила» из печати выходили, но поденщина не мешала тогда Юрию Олеше работать над «Завистью», над рассказами.

Он стал поэтом в своей прозе больше, чем в стихах. И его книга «Ни дня без строчки» — это поэзия горечи, поэзия отчаяния, поэзия распада. Что произошло? Почему блестящий стилист, умница, фантазер Юрий Олеша, задумавший роман «Нищий», не написал ни этого романа, ни других произведений, соразмерных «Вишневой косточке», «Любви», «Лионпес», «Трем толстякам», «Зависти»? Вчитайтесь в его речь на I Всесоюзном съезде писателей, попробуйте представить себе его жизнь в 1936—1938 годах — и ощутите, что означало в реальной жизни столкновение поэта и колбасника...

Облако осталось в прозе, точнее, в микропрозе — во фразах. Стихи Юрий Олеша перестал писать. И остался автором — навсегда — однотомника прозы и пьес. И еще десятков стихов, написанных в молодости, тогда же напечатанных в одесских журналах, но не собранных до сего дня.

Евгений Голубовский.
г. Одесса

Кровь на памятнике

Народ покрыл красным флагом
голову памятника Екатерине

Из тьмы веков взошла тяжелым шагом
На гулкий пьедестал торжественная новь
И голову царицы красным флагом
Закутала... И пурпур, точно кровь,
Стекает вниз по бронзовому телу...
Какому здесь трагическому делу
Судьбой воздвигнут грозный эшафот?
За кровь пролитую бескровная расплата...
А с Запада над городом встает
Из давних снов, как призрак, тень Марата
И смотрит, как пурпурово течет
По памятнику кровь и как мелькают птицы
Над трупом обезглавленной царицы.

Апрель, 1917

Бульвар

(Из цикла «Стихов об Одессе»)

На небе догорели янтари
И вечер лег на синие панели
От сумерек, от гаснущей зари
Здесь все тона изящней акварели...
Как все красиво... Над листвою, вдали,
Театр в огнях на небе бледно-алом,
Музей весь синий. Сумерки прошли
Между колони и реют над порталом...
Направо Дума. Целый ряд колонн
И цветники у безголовой пушки,
А дальше море, бледный небосклон
И в вышине окаменелый Пушкин...
Над морем умолкающий бульвар
Уходит вдаль зеленою дорогой.
А сбоку здания и серый тротуар
И все вокруг недостижимо строго.
Здесь тишина. И лестница в листе
Спускается к вечернему покою...
И строго все: и звезды в синеве,
И черный Дюк с протянутой рукою.

Одесса, 1917

Триолет

Любовь течет, как триолет,
Где надо, строки повторяя —
Разнообразная такая,
Любовь течет, как триолет...
У каждой множество примет —
Как сад цветя, как иней тая —
Любовь течет, как триолет,
Где надо, строки повторяя.

Одесса, 1917

Пушкин

Моя душа — последний атом
Твоей души. Ты юн, как я,
Как Фауст, мудр. В плаще крылатом,
В смешном цилиндре — тень твоя!
О смуглый мальчик! Прост и славен
Взор, поднятый от школьных книг,
И вот дряхлеющий Державин
Склонил напудренный парик.
В степи, где плугом путь воловий
Чертила скифская рука, —
Звенела в песнях южной крови
Твоя славянская тоска.
И здесь, над морем ли, за кофе ль,
Где грек считает янтари, —
Мне чудится арапский профиль
На фоне розовой зари, —
Когда я в бесконечной муке
Согреть слезами не могу
Твои слабеющие руки
На окровавленном снегу.

Одесса, (1918)

Пиковая дама

Швырнул шинель. Прошел упруго,
Блестя в паркете. Игроки.
Затянуты затылки туго
В галунные воротники.
Вошел. Слуга склоняет плечи,
В чулках и белом парике.
Струится синий дым, и свечи
Коптят амуров в потолке.
В трюме повторенный, весь в белом,
Сиятельный кавалергард.
Сукно, запачканное мелом,
Зеленое — рябит от карт.
«Здорово, Герман!» — Он поклона
Не замечает. Подошел.
И профилем Наполеона
Склонился и глядит на стол.
Стопились, кто-то звякнул шпорой,
Облокотившись на сукно,
И оглянулся тот, который
В бокалы наливал вино.
Почудились улыбки прелесть,
И плечи в бантах, взгляд — и вдруг:
Чепец, трясущаяся челюсть
И вены исхудалых рук.
А после тягостно и прямо
Посмотрят мертвые глаза,
И ляжет пиковая дама
Взамен счастливого туза.

Одесса, <1918>

Каменный гость

В голубизне вечерних окон
Тревожны взлеты поздних птиц,
Печален взор и темный локон
Дрожит у траурных ресниц.
О, Донна Анна! вздрогнут плечи,
И мягко изогнется стан,
И легким вздохом будет встречен
В ботфортах пыльных Дон-Жуан.
И может быть — но так не скоро —
Забудется для нежных губ
Печаль над телом Командора
И звуки похоронных труб.
Но будет слышно, как по залам
Пройдет меж слуг, упавших ниц,
Он — и протянет над бокалом
Ужаснейшую из десниц.
О, Дон-Жуан! А на погосте,
Где ивы, ирисы и тишь —
Над ликом Каменного гостя
Летучая метнетсямышь.

☆☆☆

Когда вечерний чай с вареньем в теплых булках
И крепко и душисто — мне любо вспоминать,
Как было хорошо в приморских переулках
В оранжевой листве шелковицу искать...
О, детство давнее! О, краденые дыни
И капитан Майи Рид, в те дни наивных вер, —
Когда на берегу, бродя по красной глине,
Я, замирая, ждал разбойничьих галер...
И так прошли года, овеванные пылью
Да запахом садов, легки, как дальний звон,
Чтобы всплывать во сне неуловимой былью,
Из розовой страны, где яркий сбился сон.

Одесса, 1918

Публикация Е. ГОЛУБОВСКОГО